

© 2016 г.

М.Е. СОРОКА

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПАРИЖСКОМУ МИРУ 1856 года

Когда уполномоченный России на Парижском мирном конгрессе А.Ф. Орлов, тщетно взывая к сочувствию британского министра иностранных дел лорду Кларендону, сказал: «Россия унижена и собирается подписать такой договор, какого никогда прежде не подписывала»¹, он сравнивал мирный договор 1856 г. с теми, которые в течение предыдущих полувека диктовали русские генералы – как и сам Орлов в Адрианополе – после побед. В Париже Россия, признав поражение, платила за близорукость и просчеты внешней политики Николая I.

Россия не могла рассчитывать на поддержку никого из представителей держав коалиции (Англии, Франции, Австрии и Сардинии), а дружественная ей Пруссия в наказание за упрямство не была допущена коалицией на заседания до подписания перемирия. Союзники объявили, что «в заключении мира будут участвовать только те, кто участвовал в войне»². Англия считала, что «если ... [Пруссия] будет участвовать в конференции, то будет только все портить»³.

Канцлер К.В. Нессельроде сформулировал цели России в записке, представленной императору Александру II, и в инструкции уполномоченному А.Ф. Орлову. Он исходил из того, что понесенные потери заставят Россию в ближайшее время сосредоточиться на внутренних делах и избегать всякой внешнеполитической активности. Судя по всему, англо-французский союз переживет войну, поэтому предлагать Франции союз с Россией бесполезно. Сближение с Францией нужно только, чтобы расколоть коалицию. Нельзя к тому же из-за обещаний Наполеона III рисковать добрыми отношениями с Пруссией и еще больше отравлять отношения с Австрией. Их солидарность из-за Польши нужна России больше всех⁴.

Нессельроде указал на два благоприятных обстоятельства: некоторая доброжелательность общественного мнения, вызванная тем, что Россия приняла условия мира, и желание императора Наполеона срочно заключить мир. Орлову рекомендовалось искать поддержку у французского императора, выказывать ему дружеские чувства, доверить ему интересы России и помочь занять на конференции желанное и почетное положение верховного арбитра⁵.

Сорока Марина Евгеньевна – доктор философии Университета Западного Онтарио (Брантфорд, Канада).

¹ Clarendon – Palmerston, 18.III.1856. – *Englische Akten zur Geschichte des Krimkriegs*. 10.September 1855 bis 23.Juli 1856, Serie III, Bd. 4. München, 1988, S. 892–893.

² Drouin de Lhuys – Bourqueney, 20.I.1855. – *Rothan G. Souvenirs diplomatiques. La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée*. Paris, 1888, p. 345–347.

³ Clarendon – Russell, 27.II.1855. – *Englische Akten zur Geschichte des Krimkriegs*. 3.Dezember 1854 bis 9.September 1855, Serie III, Bd. 3. München, 1988, S. 367–368.

⁴ «Mémoire, présenté par le chancelier Cte. de Nesselrode à S.M. L'Empereur Alexandre II, à l'ouverture des négociations du traité de Paris, au moment de quitter le Ministère des Affaires Extérieures», 11.II.1856. – *Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode, 1760–1850*, t. 11. Paris, [1904], p. 112–116.

⁵ Инструкции государственного канцлера Нессельроде первому уполномоченному на парижском мирном конгрессе графу А.Ф. Орлову, 11 февраля/30 января 1856 г. – К истории Парижского мира 1856 г. – Красный архив, № 2(75), с. 13–17.

Орлову должно было помочь и то, что противники сознавали, что Россия ослаблена только временно и продиктованные условия мира, с одной стороны, должны были затруднить России неизбежные попытки реванша, а с другой – не провоцировать ее чрезмерно на настойчивые попытки пересмотреть заключенный договор.

Затрудняло положение российских делегатов то, что по требованию коалиции Россия безоговорочно приняла предварительные условия еще до конгресса, хотя российский дипломат барон А.Г. Жомини в своей монографии о Крымской войне писал, что «ни один из решающих вопросов не был предрешен, все еще могло быть переделано»⁶. Следовательно, Орлову и Бруннову оставалось только настаивать на изменении формулировок и спорить о точности географических карт, по которым конгресс решал, где пройдут новые границы.

В какой степени и каким образом России удалось добиться облегчения окончательных условий, можно увидеть из документов, в изобилии опубликованных странами – участницами переговоров. Особенно полезными первоисточниками являются 12 огромных томов прекрасно изданных В. Баумгартом и его коллегами материалов по Крымской войне из архивов министерств иностранных дел Британии, Австрии, Пруссии и Франции. Полезны, несмотря на малый объем, оказались публикации «Красного архива» и многотомное издание архива канцлера К.В. Нессельроде, архивные документы, а также дневники и мемуары современников.

Крымскую войну 1853–1856 гг. характеризовали как «ряд переговоров, чередовавшихся со сражениями»⁷, а условия мира, которые Россия приняла в январе 1856 г., были 10-й или 11-й попыткой достичь соглашения о программе мирных переговоров. Поэтому требования коалиции были уже несколько раз сформулированы в «четырёх пунктах», которые несколько видоизменялись на каждом новом витке переговоров.

Министр иностранных дел Друэн де Люис с самого начала конфликта между Францией и Россией в Святой Земле повторял, что Франция не отступит: «для России Святая Земля только предлог и средство, а не мотив и не цель, иначе бы вопрос был улажен мирно»⁸. Но неуступчивость Франции объяснялась тем же. Целью Франции была конференция для пересмотра европейских соглашений. 22 марта Франция уведомила английское правительство, что если Россия одна или вместе с Австрией посягнет на целостность и суверенность Османской империи, нарушив принципы, заложенные Венским конгрессом 1815 г., то и Франция перестанет считать обязательным для себя соблюдать их в Западной Европе и вторгнется в Бельгию. 23 марта лорд Кларендон телеграфировал в Петербург английскому послу прервать тянувшиеся с января переговоры с русским правительством касательно будущего Османской империи: изменения на Востоке могли бы привести к пересмотру договоров, связывающих западные державы в Европе⁹. Франция оторвала Англию от России, что должно было облегчить осуществление французского плана перековать Европу.

Решившись на войну под влиянием Франции, Англия хотела воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы решить собственные проблемы, нанеся военное поражение России. Как писал премьер-министр Великобритании Пальмерстон, раз Восточный вопрос уже поднят, то нужно решить его раз и навсегда¹⁰. Только Австрия стремилась избежать войны на Ближнем Востоке, потому что конфликт между Россией и великими державами был опасен для нее с обеих сторон: Россия продви-

⁶ *Jomini A. de. Étude diplomatique sur la Guerre de Crimée, t. 2. Paris, 1874, p. 403.*

⁷ *Chamberlain M. E. British Foreign Office in the Age of Palmerston. London, 1980, p. 72.*

⁸ *Drouyn de Lhuys – Walewski, 19.III.1853. – Französische Akten zur Geschichte des Krimkriegs, Serie 4. 18 Dezember 1852 bis 27 März 1854, Bd. 3. München, 2003, S. 151–153.*

⁹ *Wilson K. Problems and Possibilities. Exercises in Statesmanship 1814–1918. Charleston (SC), 2003, p. 64.*

¹⁰ *Reddaway W. F. “The Crimean War and the French Alliance. 1853–1858”. The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. From the outbreak of the February Revolution to the Resignation of Russell, 1848–1866, v. 2. Cambridge, 1923, p. 389.*

гальс вперёд в придунайском регионе, угрожая позициям Австрии, а Наполеон III планировал оторвать от Австрийской империи ее итальянские владения и создать итальянское государство. Австрия присоединилась к Турции и Западу, чтобы остановить продвижение России, вытеснив ее из княжеств.

После первых успехов России на суше и на море 12 марта в Константинополе был подписан договор о военном союзе Англии, Франции и Турции, а 27 и 28 марта 1854 г. Англия и Франция объявили войну России.

В июне Австрия потребовала от России освободить княжества. Николай I отступил, и Австрия временно заняла княжества с согласия Турции. Австрия оказалась буфером между русской и союзническими армиями и отсекла Россию от европейской Турции. Боясь, что Россия их атакует, австрийцы хотели скорейшего окончания войны. 8 августа 1854 г. представители Англии, Франции, Пруссии и Австрии подписали ноту о предварительных условиях мира, которую Австрия прислала в Петербург. Были сформулированы четыре цели войны («четыре пункта»).

Россия отказалась принять условия безоговорочно, согласившись с ними только как с основой возможного примирения, коалиция же согласилась созвать конференцию, только после того, как Россия примет все требования. Император хотел было объявить войну Австрии в сентябре 1854 г., но в конце ноября 1854 г. он формально принял «четыре пункта» как основу для переговоров. 2 декабря 1854 г. в Вене начала работу конференция послов Англии, Франции и России, а со стороны Австрии – министра иностранных дел Карла Буоля. Инструкции Нессельроде новому послу, князю А.М. Горчакову, гласили: «отправной точкой для всех ваших действий и критерием для предложений, которые вы сочтете нужным там делать, является то, что у нас только два выбора: принять четыре пункта или следующей весной воевать против всей Европы»¹¹.

Переговоры шли под нажимом Австрии и для союзников целью их был не мир, а борьба за и против нейтралитета Австрии, Пруссии и Германского союза. Для английского кабинета целью войны было разрушить русское господство в Черном море, пусть даже война будет продолжаться 10 лет. Пальмерстон просил Наполеона не идти на новые переговоры, не добившись военного успеха: «Победив в Крыму, мы получим дружбу и, быть может, меч Австрии»¹². У России требовали уступить полосу земли в низовьях Дуная для обеспечения свободного судоходства (австрийская идея). Целью пересмотра конвенции 1841 г. было положить конец русскому преобладанию в Черном море, которое, как и существование Оттоманской империи, провозглашалось непременным условием европейского равновесия и стабильности. Россия должна была обещать гарантировать суверенность и неделимость Порты. Горчаков заявил, что Россия согласна отказаться от преобладания в Черном море при условии, что при этом не будет посягательств на суверенность российского императора. Такая оговорка позволила бы оспаривать конкретные условия союзников. 26 декабря 1854 г. (7 января 1855 г.) дипломаты сочли, что достигли согласия в достаточной степени для созыва мирной конференции. Английский и французский послы запросили свои правительства о разрешении конференции и предложили турецкому послу сделать то же.

Англия и Франция оставили за собой право добавлять к «четырем пунктам» «любые другие требования, которые мы сочтем полезными для будущей безопасности и мира в Европе»¹³. Принципиальная разница в английской и французской позиции обозначилась еще до ухода в отставку одного из инициаторов войны, Друэна де Люиса. Он подчеркивал: «Я не оспариваю значение гарантий прекращения русского протектората в княжествах и покровительства царя христианам – подданным султана; понимаю пользу от судоходства на Дунае. Но если отнять у России эти с трудом при-

¹¹ К.В. Нессельроде – А.М. Горчакову, 6.XI.1854. – *Lettres et papiers...*, t. 11, p. 80–83.

¹² Lord Palmerston – Napoleon III, 28.V.1855. – *Lord Palmerston...*, p. 485–486.

¹³ Palmerston – Clarendon, 3.III.1855. – *Englische Akten...*, Bd. 3, S. 389.

обретенные ею моральные преимущества, то ее самолюбие будет уязвлено; она будет думать о реванше»¹⁴.

Горчаков проявлял максимальную уступчивость, настаивая только на равенстве условий, которые создадутся в результате пересмотра конвенции о Проприетах.

В марте 1855 г. умер Николай I. В первой речи к дипломатическому корпусу новый император сказал, что «готов протянуть руку примирения на условиях, принятых моим отцом», но готов и воевать¹⁵.

4 июня Горчаков телеграфировал в Петербург, что он принял новые австрийские предложения *ad referendum*¹⁶, но что «восточные представители» заявили, что они недостаточны¹⁷, и переговоры окончились ничем. Буоль выполнил свои скупые обещания России: Австрия не стала считать провал переговоров *casus belli*.

После падения Севастополя осенью 1855 г. обсуждаемые союзниками условия мира ужесточились. Британские требования теперь простирались до снесения крепости Кронштадт, как уже были снесены укрепления на Аландских островах, чтобы закрыть Балтийское море для России. Крым и Кавказ подлежали «освобождению». Швеция заговорила в Париже о том, что хочет вернуть Финляндию в обмен на вступление в коалицию. Австрия надеялась получить Бессарабию и Дунайские княжества в свое владение. Даже сардинский премьер Кавур хотел воевать дальше, потому что мечтал перенести войну в Италию, сделав ее «битвой рас»¹⁸.

Горчаков считал, что Россия не должна проявлять инициативу. Коллегам он повторял: «События заставляют нас быть немыми, но мы не обязаны быть глухими». Это было приглашение к новым переговорам. «Ради настоящего и будущего России мы должны пользоваться орудием “мира” крайне осторожно». Чтобы облегчить условия мира, «нам нужна победа в Европе или в Азии», – писал Горчаков великой княгине Елене Павловне¹⁹.

Запад, где со времен наполеоновских войн Россию видели непобедимой, не мог даже представить, насколько русская армия и финансы были истощены в 1855 г. Поэтому в Париже и Вене число сторонников мира все росло. Немецкий историк В. Баумгарт говорит, что Франция хотела включить в условия мира создание Царства Польского как самоуправляемого конституционного государства. Англия воспротивилась, потому что ошибочно решила, что Наполеон хочет воссоздать независимую Польшу: чтобы добиться от России этого, потребовалось бы не меньше двух-трех военных кампаний²⁰. Встретив сопротивление союзницы, Наполеон потерял интерес к продолжению войны и стал передавать в Петербург через посредников предложения России о переговорах. Он обещал, что требования Франции будут умеренными и Россия будет участвовать в мирной конференции на равных с другими державами²¹.

Буоль тоже настаивал, что «успех союзных армий в Крыму уже настолько велик, что он надеется, что оба правительства сочтут разумным договориться об условиях, на которых можно заключить мир»²², и торопил с подготовкой условий для мирных переговоров. Одновременно в Англии активизировались сторонники мира. Кларендон

¹⁴ Drouyn de Lhuys – Bourqueney, 20.I.1855. – *Rothan G. Op. cit.*, p. 345–347.

¹⁵ *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1903, с. 133.

¹⁶ Для рассмотрения высшей инстанцией (*лат.*)

¹⁷ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде, 4.VI.1855, – *Lettres et papiers...*, t. 11, p. 103.

¹⁸ *Bourgeois E.* Manuel historique de politique étrangère. L'ère des nations, l'éveil du monde: de Metternich à Bismarck (1830–1879). Paris, 1932, p. 413.

¹⁹ А. М. Горчаков – великой княгине Елене Павловне, 17/29.IX.1855. – Государственный архив РФ (далее – ГА РФ), ф. 647, оп. 1, д. 651, л. 24–27.

²⁰ *Baumgart W.* The Peace of Paris 1856. Oxford, 1981, p. 27–28.

²¹ *Bourgeois E.* Op. cit., p. 412.

²² *Elliot – Clarendon*, 3.X.1855. – *Englische Akten...*, Bd. 4, S. 171–172.

ответил на запрос Буоля, что, «если бы Россия предложила условия мира, конечно, к ним бы отнеслись внимательно»²³.

Взятие турецкой крепости Карс и прилежащих к ней земель в ноябре 1855 г. несколько подняло настроение в Петербурге, теперь пойти на переговоры было морально легче. Тогда же Ф.И. Бруннов, бывший посол в Лондоне, уже пытавшийся начать переговоры с Великобританией через неофициальные письма английским государственным деятелям, написал П.К. Мейендорфу, бывшему послу России в Вене, что время тайных неофициальных обменов письмами прошло и пора готовиться к официальной мирной конференции: «я думаю, что наш представитель [на мирных переговорах] в Париже – граф А. Орлов. Нужны такие плечи, как у него, чтобы вынести подобную тяжесть. Если бы ему была нужна поддержка, спутник, преданный друг, я готов... служить без тщеславия, без колебаний и без красных слов»²⁴.

18 ноября новый французский министр иностранных дел А. Валуевский уже обсуждал условия с английским послом во Франции лордом Каули: у России хотели отнять устье р. Сулины и укрепить Дунайские княжества, чтобы они служили преградой для ее армий. Россию предполагалось отодвинуть от левого берега Дуная и затем исключить ее из комиссии по дунайскому судоходству; Черное море сделать нейтральным, а улучшение положения христиан в Османской империи планировалось обсуждать в Константинополе без участия России. Кроме того, союзники собирались заключить договор с Австрией о гарантиях для Османской империи. Франция стремилась к изменению русско-турецкой границы, «если не предвиделась общая перекройка карты», и не хотела бы, чтобы на Россию налагали контрибуцию²⁵.

Наполеон снял требование о нейтрализации Азовского моря: «продолжать войну, которая стоит огромных средств, ради того, чтобы Россия не могла держать один-два корабля в этих водах», будет непроситительно в глазах французов²⁶. Английская сторона возражала против пунктов первого и четвертого. Из них следовало, что каждая держава будет иметь право покровительствовать своим турецким единоверцам. Кларендон возмущался, что «если каждая держава будет заступаться за своих единоверцев, то это право, распространяющееся на всех, будет на практике использоваться только Россией... Франция, может, заступится за нескольких католиков, а мы за дюжину протестантов, но Россия станет защитником десяти или двенадцати миллионов греков»²⁷. Но Буоль согласился добавить пятый пункт, который предлагали англичане: «Воюющие державы заявляют о своем праве предъявлять в интересах Европы особые условия, помимо “четырёх пунктов”»²⁸.

Валуевский отказался включить в условия и британское требование относительно консулов великих держав во всех черноморских портах. Встречая сопротивление английской стороны, он заявил лорду Каули, что «наши правительства не только по-разному понимают, что такое выгодный мир, но также расходятся и в том, как продолжать войну», и пригрозил эвакуацией французской армии из Крыма.

Не успели в Вене получить английский вариант условий мира, как французская сторона сообщила, что совершенно неожиданно через саксонского посланника Зеэбаха, зятя Нессельроде, русский император предложил Франции возобновить переговоры, прерванные весной. Валуевский сказал английскому послу, что Наполеон хочет срочно отослать из Вены ультиматум, который тогда станет ответом союзников. И потому он просит не заставлять Буоля менять пункты один и четыре. Для переговоров оказалось важным, что английские требования не успели стать *sine qua non*, обязательными предварительными условиями, и России не пришлось соглашаться на

²³ Clarendon – Stratford, 17.IX.1855.– Ibid., S. 114–115.

²⁴ Ф.И. Бруннов – П.К. Мейендорфу, 2/14.XI.1855.– ГА РФ, ф. 573, оп. 1, д. 599, л. 119–120об.

²⁵ Cowley – Clarendon, 17.X.1855.– Englische Akten..., Bd. 4, S. 205–208.

²⁶ Cowley – Clarendon, 26.XI.1855.– Ibid., S. 396–398.

²⁷ Clarendon – Cowley, 28.XI.1855.– Ibid., S. 402–403.

²⁸ Baumgart W. Op. cit., p. 50.

них. Австрийский посол в Петербурге, князь Валентин Эстергази, выехал из Вены с письмом от Франца-Иосифа к Александру II и предварительными условиями для мирных переговоров, которые по форме и сути были ультиматумом. Франц-Иосиф тут же отправил прусскому и баварскому королям просьбу тоже настоять в Петербурге на принятии условий.

16 декабря Эстергази прибыл в Петербург. Все участники совещания у императора, кроме графа Д.Н. Блудова, сошлись на том, что нужно принять ультиматум. Горчакову в Вену послали инструкции дать условное согласие на условия «с исправлениями» относительно дополнительных требований и отвергнуть пункт пятый и территориальные уступки в Бессарабии и отклонить ответственность за последствия, которыми угрожал Буоль. 30 декабря 1855 г. Горчаков передал ответ Буолю. Тот отказался сообщить его Англии и Франции, пока Россия не примет условия безоговорочно и дал срок шесть дней.

4 января Нессельроде известил Эстергази, что условия союзников приняты. 12 января Англия потребовала, чтобы Россия согласилась на все условия до подписания предварительных условий мира. Буоль вышел из себя, видя что его усилия вот-вот опять окончатся неудачей. 20 января Горчаков подписал протокол о согласии сторон на предварительные условия. Английский кабинет был возмущен Буолем. Пальмерстон написал послу в Вене о «нахальном» заявлении Буоля, который «приказал нам подписать документ без колебаний и оговорок»: «Россия должна быть благодарна Австрии, а не союзникам», так как «мы уверены, что, если война будет продолжаться, плоды новой кампании через год позволят нам получить от России лучшие условия»²⁹. В Лондоне рассматривали список мест, где подписывались мирные договоры. Оказалось, что нет правила, согласно которому предварительные соглашения и окончательные договоры должны быть подписаны в одном и том же месте. Потому, к удовольствию Лондона, Вену можно было отклонить.

Все были согласны, что местом конференции станет Париж: Англия доверяла Наполеону, который говорил о себе как о единственном стороннике англо-французского союза, но не его посла. К тому же они полагались на добрые отношения своего посла, лорда Каули, с императором. Россия была довольна по тем же причинам: надеялись на доброе отношение Наполеона и его стремление к миру.

Наполеон хотел, чтобы участвовали и государства – члены Германского союза, чтобы опираться на них против Австрии и Пруссии, но его отговорили: германские междоусобицы усложнят работу конференции, потому что каждый делегат получил бы инструкции только от собственного двора, и защищал бы только собственные интересы. Россия была довольна тем, что Пруссия оставалась «за дверьми» конференции великих держав, потому что это должно было еще больше привязать ее к России³⁰.

Уполномоченными от России назначили 70-летнего генерала А.Ф. Орлова и его ровесника барона Ф.И. Бруннова. Назначение Орлова вместо Нессельроде, который собирался в отставку, было удачным по двум причинам. Во-первых, по традиции в войне винят не самодержца, а министра иностранных дел, и уход Нессельроде в отставку был концом старой эпохи, а подписание мира – началом новой. Во-вторых, Петербург выказывал особую любезность, прислав к Наполеону III не престарелого канцлера, вся карьера которого прошла под флагом развалившегося Священного Союза, а государственного деятеля, который был близок к Николаю I и Александру II. В то же время Орлов, «благодаря постоянному участию в текущих делах, а также ...благодаря каждодневному общению с его величеством», был в курсе внешней политики и ее мотивов³¹.

Орлов не был новичком в переговорах с Османской империей. В 1829 г. он заключал Адрианопольский мир, а потом был чрезвычайным послом в Константинопо-

²⁹ Lord Palmerston – Sir Hamilton Seymour, 24.I.1856. – Lord Palmerston..., p. 499–501.

³⁰ Otto von Bismarck – Anton Prokesch, 16.II.1856. – *Rothan G. Op. cit.*, p. 391–392.

³¹ Красный архив, № 2(75), с. 13–17.

ле, куда в 1833 г. его сопровождал барон Бруннов. Нессельроде поручал Орлову и его помощнику Бруннову «изъять из редакции прелиминарных условий все, что унижительно для России», и уклониться от того, что в них стеснительного в будущем, особенно статью об уступке территории, названную «исправлением европейской границы». Ради этого можно было даже поступиться теми выгодами, которые Россия могла получить от исправления границы с Турцией после присоединения Карса.

Орлову сказали, что если речь будет идти только о том, чтобы не восстанавливать оборонные сооружения на Бомарзунде и Аландских островах, то Россия не будет возражать, но он должен помнить, что это и возвращение Карса – единственные козырные карты, которые есть у России в переговорах. Их нужно использовать, чтобы избежать или облегчить условие о территориальной уступке в Европе. Если Англия станет настаивать, чтобы условия из пятого пункта включили в предварительный акт, то Орлову советовали не спорить, но требовать, чтобы все спорные пункты были предварительно обсуждены с позиций справедливой компенсации.

Орлову позволялось согласиться на английские требования в Азии, если это позволит изолировать Австрию и лишить ее возможности настаивать на устранении России от Дуная. В качестве альтернативной тактики ему предлагалось присоединиться к по-видимому уже сблизившимся Франции и Австрии, чтобы изолировать Англию, если ее требования станут чрезмерными. Остальные требования были уже обозначены и оставалось только добиваться, чтобы они были сформулированы в наиболее выгодной для России форме. Но главная цель всех маневров – заключить мир, и Нессельроде советовал оставить урегулирование всех второстепенных споров конференциям, которые будут работать после заключения мира. Канцлер напоминал, что главный вопрос для России это территориальная уступка Австрии в Бессарабии, и надеялся, что Буоль поймет, что если он пойдет навстречу России в этом вопросе, то отчасти загладит прошлое. В записках, приложенных к инструкциям, Нессельроде напоминал еще раз, чтобы Орлов не увлекался мыслью заключить двустороннее соглашение с одной из держав, потому что все комбинации в настоящее время могут быть только временными. Он также советовал ему не выказывать раздражения при неудачах, чтобы не восстанавливать против себя всех остальных участников и чтобы русское правительство не подозревали в тайных замыслах.

Первым в начале февраля приехал в Париж Бруннов, считавшийся лучшим русским дипломатом. Ему предстояло играть неблагодарную роль упрямого и придиричвого адвоката. Проведя 15 лет в Лондоне, он знал всех английских государственных деятелей и своего бывшего коллегу в Лондоне Валевского. Тот пообещал, что облегчит русским делегатам работу на конференции и сделает это тактично, не вызывая недоверия у других. Валевский предупредил, что Англия будет настаивать на обсуждении Аландских островов и что Франция поддержит союзницу. Франция вместе с союзницей будет выступать против расширения российской территории за счет Турции, т.е. оставить Карс России не позволят. В вопросе о черкесах англичане будут настаивать на праве оказывать им «моральную поддержку», потому что во время войны они пытались взбунтовать их против России и теперь не хотят создать впечатление, что потеряли к ним интерес. Но Франция не будет поддерживать их в этом, и Англия вряд ли станет упираться.

Дунай – главный вопрос для Австрии, а Россия уже в принципе приняла первую статью прелиминарных условий. Поэтому Валевский скептически отнесся к возможности изменить границу, и Бруннов предполагал, что, вероятно, тут все будет зависеть от Наполеона. Банкир Фульд посоветовал Бруннову сообщать Наполеону III о всех возникающих трудностях. Тот специально отвел два дня в неделю на прием уполномоченных, чтобы служить арбитром.

По приглашению, переданному через Валевского, Бруннов нанес визит лорду Кларендону. Он предложил ответить на вопросы об уступках, какие Россия может или не может сделать, и спросил, каковы пожелания Англии, особенно в пятом пункте. Кларендон заявил, что их неперемное условие, что на Аландских островах не будет

укреплений. Бруннов возразил, что это не имеет отношения к Восточному вопросу. «Верно, но имеет отношение к агрессивной политике России», – парировал Кларендон. Бруннов сказал, что не может ответить, пока не придет Орлов. «Но по его тону я понял, что в этом они уступят», – писал Кларендон в Лондон.

Далее Кларендон предупреждал, что на «черкесском побережье» не должно быть ни старых, ни новых русских крепостей. Бруннов согласился и тут же спросил, нет ли требований по Черкесии. Кларендон сказал, что нет никакого конкретного предложения, но что Англия считает, что в Азии суверенность Порты в большей опасности, чем в Европе, и хочет защитить ее, создав буфер из независимых стран между Россией и Турцией.

На его тираду о цивилизующем влиянии свободной торговли Бруннов возразил, что, укрепляя Турцию, можно поставить под удар Россию, тем более, если Англия будет поставлять вооружение черкесам. Кларендон ответил, что этому легко положить конец, если дать независимость черкесам. Потом Кларендон сказал, что России придется вернуть Карс и всю остальную турецкую территорию. Бруннов не возражал, но отметил, что это единственное, что есть на руках у России для обмена: вернув Карс можно было бы изменить границу с Молдавией. Он также заверил, что Россия готова отступить от Дуная настолько, насколько требуется для свободы судоходства, но не более того. В заключение Бруннов напомнил, что Орлов не уполномочил его на этот разговор и попросил Кларендона держать их разговор в тайне³².

22 февраля, чтобы установить отношения с императором согласно предписаниям, из Брюсселя приехал и Орлов – импозантный, высокий крепкий старик с седыми кудрявыми волосами и длинными усами. Как и Бруннов, он нанес первый визит Валевскому. Наполеон дал ему официальную аудиенцию, а потом побеседовал с ним наедине. Орлов сразу взял верный тон. На вопрос императора «дадите ли вы нам мир?» ответил: «Сир, я приехал просить об этом вас». Их разговор тут же стал непринужденным³³. Орлов изложил свои инструкции, пояснив, на что Россия согласится, а с чем будет спорить, оговорив, что Россия согласится скрыть укрепления в Измаиле и Килие, если Турция сроет свои в Мачине, Тульче и Исакче. России также было бы желательно, чтобы острова в дельте Дуная не были заняты ни одной из держав. Наполеон III поинтересовался, согласна ли Россия не отстраивать разрушенные укрепления на Бомарзунде. Орлов ответил, что да, но что Александр II просит не вносить это в мирный договор.

Наполеон дал ему понять, какие планы он строит на будущее, спросил его мнение о венских договорах 1815 г.: «Обстоятельства внесли в них значительные изменения. Что вы думаете об их пересмотре?». На это Орлов ответил, что не вправе высказывать личное мнение, так как эти вопросы затрагивают интересы всех европейских держав. Наполеон возразил, «но это же просто разговор» и переключился на Италию и Польшу: бедная Италия не может дольше терпеть этого положения, а в Польше католическая церковь страдает от притеснений. По мнению Орлова, Россия не будет чинить Наполеону препятствий в Италии. Что же касается поляков, то страдают они по собственной вине, поскольку нарушили присягу (в 1831 г.) и тем самым лишились политических прав; свободу совести они уже имеют, а во время коронации император наверняка дарует им новые послабления³⁴.

Французский историк Ф. Шарль-Ру пишет, что французское общество было настроено дружелюбно по отношению к России: одержав победу, став столицей всемирной выставки и местом проведения мирного конгресса, французы могли позволить себе великодушие. Орлов вошел в моду в Париже: с его приездом в витринах книжных лавок выставили его дагерротипы, он был нарасхват у светских дам, перед русским посольством каждый день стояли небольшие группы зевак, ожидая выхода генерала.

³² Clarendon – Palmerston, 19.II.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S. 770–772.

³³ Charles-Roux F. Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III. Paris, 1913, p. 84.

³⁴ Ibid., p. 85.

Одним словом, как писала кузина Наполеона, принцесса Матильда, «представляемая графом Орловым Россия все еще великолепна».

Сам Орлов, хотя и представлял побежденную сторону, не дулся, не ходил с унылым лицом и не жаловался, а был бодр, жизнерадостен и тем нравился еще больше. Он громко высказывал восхищение тем, как французские войска воевали в Крыму, и поздравил генерала Канробера, который за победу был произведен в маршалы. Такое отношение к противнику произвело прекрасное впечатление на французское общество³⁵.

Орлов был нечувствителен к мелким уколам, а уверенность в себе, характерная для аристократии вообще и для русских военных, прошедших наполеоновские войны, помогала ему выдерживать бесконечные споры, придирки и колкости оппонентов. Западные коллеги не ждали хлопот от Орлова. Предполагалось, что все военные были прямодушными рубаками с благородным резким характером, таким его и видели в парижских гостиных. Поэтому «прямодушного вельможу» Орлова расхваливали, а его бледного спутника Бруннова, «ходячую энциклопедию европейских трактатов»³⁶, презирали. Княгиня Ливен не преувеличила, написав в Петербург: «Орлов пользуется здесь огромным успехом, а Бруннов – вовсе нет... Англичане заключат мир без всякой радости, но они не могут противиться всеобщему желанию и воле их могущественного соседа. Мы здесь очень популярны, а они – нет... Вы будете рады узнать о речи императора [Наполеона], относящейся к нам, она вызвала общее одобрение. Они рады получить Орлова, аристократа, видное лицо, очень важно, чтобы присланное лицо производило яркое впечатление. Мы забывали о внешней стороне. Императрица Екатерина знала, чего это стоит, а в последнее царствование об этом недостаточно заботились... Послы носятся по обязательному маршруту с официального обеда на официальный прием, что не позволяет им получить хорошее представление о настроениях, они варятся в собственном соку»³⁷.

Мнение княгини Ливен и парижского света о Бруннове разделял и Бисмарк, встретивший его во Франкфурте: «Бруннов, известный талантом писать ноты, в разговорах не производит того впечатления, какое я составил по его репутации. Он слишком подчеркивает свое желание завоевать расположение собеседника и выдает свои мысли потому, что так старается их скрыть. Его хитрости шиты белыми нитками. Он слишком полагается на свое обаяние и не умеет скрывать своих мыслей. Он так наивен, что удивляется, почему знаки внимания, которыми он осыпает членов [Германского] Сейма, не влияют на их голосование»³⁸.

Он был «умерен в речах, любезен, слащав с коллегами, подобострастен со своим патроном, с которого не сводил глаз, когда тот говорил. Но тот часто перебивал его нетерпеливым жестом или несколькими словами по-русски». Роль второго представителя была защищать требования, представленные первым, сообщать жалобы и вести дебаты. Австрийский посол во Франции граф фон Гюбнер увидел его раз по дороге в зал заседаний: он лежал на кушетке, видимо плохо себя чувствовал. Австриец сказал об этом Орлову, а тот как отрезал: «Я его живо вылечу». Вышел и притащил Бруннова в зал.

Княгиня Ливен, в салоне которой собирались дипломаты в свободные вечера, дразнила Бруннова за его подобострастие. Тот отвечал: «Я должен дожидаться отъезда Орлова, чтобы снова стать Брунновым»³⁹. Но они сработались, потому что Бруннов сдерживал порывы Орлова, шепотом подсказывал ему нужные факты и, как и обещал

³⁵ Ibid., p. 87–88.

³⁶ *Hübner J.-A. de. Neuf ans de souvenirs d'un ambassadeur d'Autriche à Paris sous le Second Empire, 1851–1859. Paris, 1904, p. 420.*

³⁷ Princess D. Lieven – Hélène [Кочубей], 23.II/6.III.1856. – British Library, Add 47419^a, p.117–120.

³⁸ Bismarck – Prokesch, 16.II.1856. – *Rothan G. Op. cit.*, p. 391–392.

³⁹ *Hübner J.-A. de. Op. cit.*, p. 420.

Мейендорфу, терпел высокомерие и грубость Орлова, ни разу не вспыхив и не доставив остальным удовольствия видеть ссору русских представителей.

Орлов заявлял на конференции, что ничего не смыслит в дипломатии, но точно знает, что нужно России. В перерывах между заседаниями, пока делегаты курили и пили кофе, Орлов шутил, рассказывал анекдоты, чем вызвал общую симпатию. Иногда он шутил даже во время заседаний: когда в начале конгресса предложили, чтобы перемирие длилось до 1 апреля, Орлов сказал: «Вы что, хотите, чтобы люди приняли мир за первоапрельскую шутку?». Тем не менее он не оставлял без ответа реплики, обидные для России⁴⁰.

Он никогда не выступал с возражениями, предоставляя это Бруннову, и только в заключение говорил «да» или «нет», «я уступаю» или «я не уступаю». В результате Бруннову досталось все раздражение остальных уполномоченных, а Орлов выглядел в их глазах прямодушным вельможей, который извинялся перед остальными за «крючкотвора» Бруннова, пытавшегося добиться уступок. Как только оказывалось, что усилия Брунновы тщетны, Орлов приказывал ему замолчать и принимал диктуемые коалицией условия, оставаясь в роли «широкой натуры», приятной остальным. «Хотя Орлов представлял побежденную страну, он сумел заставить всех забыть об этом благодаря чувству собственного достоинства, которое иногда подкреплялось хитрой лестью»⁴¹.

В полдень 25 февраля, когда делегаты прибывали один за другим в министерство иностранных дел на Кэ д'Орсэ, перед входом стояла толпа зевак. Приехали по два делегата от каждой из держав, один из них министр, а другой – посол, аккредитованный во Франции: от Австрии – граф Буоль и граф фон Гюбнер; от Франции – барон Буркене (посол в Австрии, что подчеркивало значение отношений с Австрией для Парижа) и граф Валевский; от Великобритании – граф Кларендон и лорд Каули; от России – генерал А. Ф. Орлов и барон Ф. И. Бруннов; от Сардинии – премьер-министр граф К. Кавур и посол маркиз Вильямарина; от Оттоманской империи – великий визирь Али Паша и посланник в Париже Мехмед Джамил Бей. Секретарем конференции был французский чиновник МИД граф Марио Бенедетти. Граф Кавур, которого старик Меттерних назвал единственным настоящим дипломатом в Европе, внешне казался провинциальным стряпчим: маленький, толстый, бородатый. Он рассчитывал получить плату за участие Сардинии в коалиции против России. В качестве дополнительного довода при переговорах с влюбчивым Наполеоном Кавур привез в Париж свою ослепительно прекрасную кузину, графиню Кастильоне.

Бывший посол во Франции Н. Д. Киселев так охарактеризовал остальных дипломатов, с которыми Орлов и Бруннов встретились в зале конференции и позже на приемах для дипломатического корпуса: Гюбнера Киселев считал умным и неискренним, «способным при случае предать не только русского, но и австрийца»; лорда Каули он назвал в целом порядочным и честным человеком, но он прежде всего англичанин и способен предать чужое доверие, если это касается интересов Британии⁴².

В зале, где на стене висели портреты Наполеона и императрицы Евгении в полный рост, а на камине стоял бюст императора, участники сели за стол, покрытый зеленой бархатной скатертью. На столе стоял серебряный чернильный прибор. К большому круглому столу был приставлен прямоугольный столик для Бенедетти, который вел протокол.

Сначала предполагалось, что представители воюющих сторон будут сидеть друг против друга на противоположных сторонах, но участие Австрии все спутало, поскольку она не участвовала в войне. Орлов, в зеленом мундире с пожалованными миниатюрами-портретами трех императоров, которым он служил, больше всего инте-

⁴⁰ *Charles-Roux F.* Op. cit., p. 87.

⁴¹ *Ibid.*, p. 198.

⁴² Н. Д. Киселев – графу П. Д. Киселеву, 19/31.VII.1856. – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 129, к. 15, д. 17, л. 17–20.

ресовался Али Пашой и не отходил от него. Али Паша, как и остальные участники конгресса, был немолод. Невысокого роста, бородатый, худощавый, всегда в черном, с грустным выражением лица, он был очень умен, на конгрессе говорил мало, но всегда уместно, на прекрасном французском языке. Ему досталась незавидная роль: на конгрессе о Турции практически забыли и ему пришлось оборонять свою страну не столько от побежденной России, сколько от новых претендентов на ее «наследство».

Делегаты договорились, что протоколы будут не дословным воспроизведением речей, а просто фиксацией всех предложений и решений, исключая те случаи, когда один из уполномоченных потребует чтобы его мнение или аргументы были зафиксированы. Все согласилось, что происходящее на заседаниях будет тайной для всех, кроме собственных правительств.

Русские протестовали против краткости перемирия. Они хотели либо обойтись без перемирия, либо чтобы оно длилось, пока идет конференция, но никто не согласился. Орлов, как отметил Кларендон, оставил все споры о деталях Бруннову, «который видимо собирается быть очень несговорчивым и тем заработать какой-нибудь орден с бриллиантами за усердие и патриотизм»⁴³.

В соседней комнате все было приготовлено для кофе и чая, там пожилым дипломатам предоставлялась возможность размять ноги, курить и болтать. Буоль открыл заседания, предложив Валевского в председатели. Участники, не тратя лишних слов, быстро переделали Венский протокол 1 февраля в предварительные условия мира и подписали перемирие до 31 марта. Теперь им предстоял обед у графа Валевского, а потом концерт. Не успели они встать из-за стола, как к нему бросились из соседнего зала ожидавшие там дамы, которые тут же в качестве сувениров расхватили со стола все, что на нем было.

Делегаты заседали через день во второй половине дня. Император хотел, чтобы «его конгресс» не уступал великолепию знаменитого Венского конгресса и потому велел, чтобы каждый вечер один из его приближенных устраивал приемы для делегатов, а по четвергам и воскресеньям сам Наполеон принимал и развлекал их в Тюильри.

В тот же день Кларендон имел разговор с Орловым. Российский уполномоченный повторил Кларендону то, что сказал императору Наполеону: Александр II принял со всей искренностью условия австрийского ультиматума и намерен честно их выполнить. Но придется обсудить много деталей, потому что после того, как из Вены прислали эти условия, русская армия взяла Карс. Это стоило России много тысяч жизней, и это крайне важное место для Турции. Если бы России разрешили его удержать, то она с удовольствием согласилась бы не только на новую границу, против которой возражает, но и отдала бы всю Бессарабию в придачу.

Кларендон возразил, что значение Карса для Турции не при чем: поскольку война велась за целостность Османской империи, он должен быть возвращен. К тому же Россия уже согласилась на новую границу. Орлов позволил себе заметить, что это произвольная линия, проведенная безо всякого смысла и впоследствии из-за нее возникнет много споров. Горы, по которым она якобы проходит, существуют только на карте. Он сказал, что Россия согласна на свободное плавание по Дунаю и оставит устье Дуная, ей неинтересны тамошние крепости, но вот предложенная линия разграничения ей небезразлична, потому что она была проведена Австрией, чтобы унижить Россию. Он выразил надежду, что до начала переговоров сможет прийти к соглашению с Кларендоном. Тот ответил, что не ждет трудностей, если Россия искренне желает мира – «все, чего мы хотим, это защитить Турцию, и если Россия не собирается на нее нападать, то она без колебаний примет наши умеренные условия».

Кларендон предложил, чтобы Россия в качестве жеста доброй воли вернула Аландские острова Швеции, не дожидаясь, пока ее об этом попросят. Изумленный Орлов спросил, не шутит ли он. Поняв, что это неприемлемо, Кларендон предложил России согласиться на нейтрализацию островов под гарантии Англии, Франции и Шве-

---

⁴³ Clarendon – Palmerston, 25.II.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S. 794–795.

ции. Орлов воскликнул: «Но это же уступка территории, только под другим названием. Это было бы со стороны России подарком Швеции за то, что она заключила с Англией и Францией договор против России».

Кларендон объяснил, что они хотят, чтобы на Бомарзунде и Аландских островах не возводили укреплений взамен разрушенных. «Ну, если мы сможем договориться о бессарабской границе, – ответил Орлов, – то все может получиться, а иначе я предвижу трудности». Он хотел, чтобы конвенция об Аландских островах была подписана Англией, Францией и Россией. Кларендон возразил, что этот вопрос является частью пятого пункта.

Продолжая беседу, Орлов объяснил, что император хочет мира, но должен думать о своем положении в России и не может принять условий, которые в стране сочтут унижительными. Они обсудили политику покойного Николая I. Орлов сказал, что тот не собирался воевать и не хотел ссориться с Турцией. Во всем был виноват раздражительный характер Меншикова. Оккупация княжеств было ошибкой, о чем Орлов в свое время говорил императору. Потом Синопское сражение: его радостно приветствовали в Петербурге, а Орлов сразу предупреждал, что это приведет к войне с Англией. Причину войны Орлов видел в «отказе принять турецкие поправки к венской ноте и непродуманной внешней политике, которую он охарактеризовал как серию промахов и упущенных возможностей с честью выйти из поединка, который не стоило и начинать».

Кларендон нашел графа Орлова умеренным и тактичным. Он не выказывал страха и не хвастался. «Он сказал, что его цель положить конец войне и что он будет искренне сожалеть, если его миссия окончится неудачей, потому что он готов пойти на все уступки, совместимые с достоинством России, но у меня осталось впечатление, что граф Орлов будет непреклонен в нескольких пунктах... и успешный исход переговоров будет зависеть, главным образом, от поддержки, которую нам окажут коллеги»⁴⁴.

Позже Кларендон передал Наполеону, что Орлов хвалил его замечательную любезность, мудрость и глубину мыслей. Император на это рассмеялся и заметил, что это подтверждает ценность молчания, потому что он дал Орлову говорить, сколько тот пожелает, а сам ничего не сказал. По его словам, он лишь затронул тему бессарабской границы, не высказывая мнений, потому что выступает вместе с союзниками. Наполеон добавил, что если бы не интерес Австрии, то он не видит, зачем настаивать на таком пустяковом вопросе. Из-за этого можно упустить возможность договориться о чем-то более важном.

Палмерстон размышлял в ответном письме Кларендону: «Вполне естественно и умно со стороны русских дипломатов, раз они не могут оспаривать справедливость какого-то требования, мотивировать свои возражения тем, что оно унижительно». Но он советовал не принимать подобных аргументов всерьез, потому что сам факт, что России пришлось принять навязанные переговоры – унижение, а потому «единственный практический критерий, с которым нужно подходить ко всякому требованию союзников, – нужно оно или нет, чтобы достичь целей войны и для безопасности Европы в будущем». Если нет, то это, конечно, напрасное унижение⁴⁵.

26 февраля во время англо-русской встречи, английская сторона согласилась, чтобы вопрос об Аландских островах стал предметом отдельной конвенции, избежав споров о том, может ли это быть компенсацией за удержание Карса. Орлов сказал, что не может согласиться на возвращение Карса без компенсации, раз англичане не обещали никаких уступок по бессарабской границе. Далее он заявил, что, к сожалению, он исчерпал свои инструкции и не видит выхода. По его предложению вторую конференцию отложили на день, до 28 февраля, чтобы он смог обратиться к Наполеону.

Покидая зал заседаний с Валуевским, Орлов попросил аудиенцию у императора. Валуевский ответил достаточно громко, чтобы англичане тоже слышали, что вряд ли он

---

⁴⁴ Ibid., S. 789–791.

⁴⁵ Palmerson – Clarendon, 26.II.1856. – Ibid., S. 797–799.

ее получит. Кларендон сразу сообразил, что император уже высказал свое отрицательное мнение по этому вопросу и теперь англичане останутся в меньшинстве, потому что ни Австрия, ни Турция не будут настаивать на переносе границы. Кларендон запросил своего премьера: если Англия получит удовлетворение во всем остальном, то стоит ли прерывать переговоры из-за одного-единственного пункта?

27 февраля австрийские и английские делегаты собрались у Валуевского, чтобы договориться, как отвечать русским. Гюбнер считал, что противостоять предстоящим попыткам России вернуть утраченный статус в Черном море можно только если заключить новое англо-франко-австрийское соглашение. Кларендон поддержал его.

Валуевский поставил в известность собравшихся, что Орлов написал ему с целью получить аудиенцию у императора и попросил, «чтобы последнее заседание конференции отложили до пятницы». Кларендон заметил, что это шантаж: если Орлов просит отложить заседание, то значит он ждет новых указаний. Тогда Валуевский поинтересовался у Буоля, каково его мнение о бессарабской границе, добавив, что, если Англия и Франция будут настаивать на линии Буоля, а Россия не уступит, коалиция ожидает, что Австрия вступит в войну. Буоль разнервничался и сказал, что не может ответить, потому что не думал об этом.

Кларендон так видел ситуацию: Наполеон «не захочет возобновлять войну за линию, которую, как он думает, Австрия провела произвольно»; Буоль готов уступить; Сардинии безразлично. Поэтому Англии стоит уступить, оговорив, что оба берега Дуная останутся у турок⁴⁶.

Валуевский отказался и откладывал заседание дольше, чем до 28 февраля, и помочь русским получить аудиенцию. Он предупредил Орлова, что вернет ему его письмо, которое написано вежливо по форме, но является угрожающим по сути. Бруннов униженно извинился, сказал, что они вынуждены ждать инструкций из Петербурга, отрицал, что в письме есть угроза, и попросил, чтобы Валуевский вместо того, чтобы возвращать письмо, написал бы, что они не получают аудиенцию.

Кларендон высказался в том смысле, что, хотя он и Каули всегда готовы оспаривать заявления русских, но, учитывая состояние общественного мнения и биржевые интересы, а также «русские и антианглийские происки», он предпочтет, чтобы сам Валуевский взял на себя задачу сопротивляться давлению русских. В то же время Орлов в беседе с Каули дал понять, что он не будет оспаривать число сторожевых судов в Черном море, что Россия готова согласиться на корветы, и на любое количество, какое ей укажут⁴⁷. По словам Е. В. Тарле, Орлов писал царю, что «надо принять условия, т. к. население “утомленное жертвами, которых требует война, с радостью примет известие о мире”»⁴⁸. 28 февраля на втором заседании делегаты заслушали текст «четырёх пунктов». После первого Бруннов передал секретарю бумагу, которую просил приобщить к протоколу. В ней говорилось, что русские уполномоченные выскажут свои замечания по этому вопросу, когда дойдет до установления линии разграничения. Кларендон возразил, что, если они приняли этот пункт, теперь единственные замечания, которые они могут сделать, это по способу его выполнения. Между Кларендоном и Брунновым произошла перепалка.

Кларендон записал: «Он вел себя как адвокат-крючкотвор из Олд Бейли, а Орлов, надо признать, как джентльмен, потому что он, в конце концов, велел Бруннову спрятать свой меморандум в карман». Пятый пункт не зачитывали, потому что у русских еще не было инструкций.

Кларендон еще раз перечислил цели Англии: не больше шести-семи кораблей, никаких крепостей на восточном побережье и независимость стран между рекой Кубань и Чороксу; границу между провинцией Гуриели и турецкой Ахизкой и Карсом будет

⁴⁶ Clarendon – Palmerston, 27.II.1856. – Ibid., S. 803–806.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Тарле Е. В. Крымская война. М., 2005. – <http://profilib.com/kniga/113236/evgeniy-tarle-krymskaya-voyna.php>, с. 1467.

проводить комиссия; Карс должен быть возвращен Турции; все прежние русско-турецкие договоры должны быть аннулированы; на Аландских островах не должно быть укреплений. Текст требований он собирался передать через Наполеона Орлову как ультиматум Англии и спрашивал в письме Пальмерстону, согласен ли кабинет, если Англия получит все это, уступить России в вопросе о бессарабской границе⁴⁹.

Тем временем Наполеон принял Орлова и определил рамки, в каких он будет поддерживать союзников. Орлов сообщил в Петербург, что главный из предстоящих вопросов – пятый пункт и он хочет сразу начать с него, чтобы не создавать впечатления робости. На приеме у Наполеона был и Кларендон, который высказал требования Англии. Император не согласился с ними и поддержал русских.

После этого Наполеон объяснился с Кларендоном. По его мнению, стоит держаться за бессарабскую границу, если Англия хочет так много получить от России, и что даже тогда это не было бы достойной уступкой. Когда он спросил Орлова насчет независимости для закавказских территорий, тот ответил, что для России это было бы равносильно уступке территории.

Австрийский уполномоченный с горечью написал: «Валевский более русский, чем Орлов»⁵⁰. Перед заседанием 1 марта Валевский показал Кларендону записку, написанную императором, которую предполагалось дать русским как ультиматум. Наполеон попросил Валевского показать ее Кларендону и узнать, согласен ли он с ее содержанием. Бессарабская граница оставалась без изменений, но теперь русским уступили крепость Хотин, Николаев и не было упоминаний о том, что на восточном побережье не будет крепостей и о закавказских странах. Кларендон заключил, что это венские условия без пятого пункта, не считая Аландских островов. Он предложил Валевскому не принимать окончательных решений и дать ему и Каули вести обсуждение.

В новых инструкциях Орлову Петербург отмечал, что если пять пунктов обязательны для России, то они так же обязательны и для ее противников. Если Россия не имеет права возвращаться к обсуждению статьи об исправлении границы, то и другие не имеют права предъявлять претензии, которых не было в проекте предварительных условий. Карс не упоминался в прелиминариях и требовать его возвращения – выходит за рамки установленного. Следовательно, справедливо требовать компенсации. Министр советовал обратиться к Наполеону и проверить его добрую волю, хотя на это мало рассчитывали. Нессельроде напоминал, что можно добиться изменений только, если и Англия, и Франция согласятся на них, поэтому Орлову предписывалось вести переговоры втроем, без присутствия Австрии и Сардинии. С точки зрения русского кабинета, приоритетными являлись вопросы об исправлении бессарабской границы, их следовало связать с возвращением Карса, укреплениями на Аландских островах и с черкесским вопросом. Все остальные претензии не имели значения.

Орлову предлагалось по Аландским островам обменяться нотами или сделать декларацию с державами, но если они будут настаивать на прикреплении ее к мирному договору, то постараться смягчить текст, чтобы он не имел видимости требования.

Настойчивость Кларендона в стремлении получить разрешение на свободную торговлю с Закавказьем, по мнению Нессельроде, была на эффект. Торговля там невозможна, потому что единственные товары – это рабы и оружие. Россия не намерена восстанавливать никаких крепостей на восточном побережье, кроме Сухум-Кале и Новороссийска. Требования по этому пункту нужно смягчить или отклонить⁵¹.

На заседание 1 марта Наполеон, Орлов и Бруннов приехали прямо с панихиды в русской церкви по Николаю I. Делегаты шептались, что в церкви Орлов плакал. Открыв заседание, Валевский сообщил, что по Аландским островам будет заключена отдельная англо-франко-русская конвенция. Все согласились. Кларендон усомнился в праве России на закавказские земли. Тогда Бруннов вслух прочитал Адрианополь-

⁴⁹ Clarendon – Palmerston, 28.II.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S. 811–813.

⁵⁰ Hübner J.-A. de. Op. cit., p. 398.

⁵¹ Нессельроде – графу Орлову, 29/17.II.1856. – Красный архив, № 2(75), с. 24–27.

ский договор 1829 г. и Кларендон вынужден был признать что эти земли, бесспорно, принадлежат России. Обсуждение закончили решением, что не позже, чем через шесть месяцев, международная комиссия пересмотрит русско-турецкую границу.

Затем Кларендон заявил, что Россия должна вернуть Карс без всяких компенсаций в Бессарабии. Орлов ответил, что раз конгресс не принимает во внимание представленные им доводы, то он берет назад свои возражения и гарантирует, что Александр II сдержит все свои обещания: Россия вернет Карс, если все остальное будет согласовано, а если переговоры сорвутся из-за других вопросов, то пусть конгресс не считает, что Россия уже уступила Карс. Орлов пообещал, что Аландские острова не будут укреплены, и попросил принять во внимание уступчивость России. Кларендон начал подозревать закулисную сделку между Наполеоном и русскими.

2 марта на приеме для делегатов Орлов попросил у Наполеона помощи в вопросе о статусе закавказских владений России: если его подняли, значит это практически требование отказаться от них. Наполеон понимал, что чем чаще Орлову будут предъявлять невыполнимые условия, тем чаще он будет просить у него помощи. Тогда ему придется либо отказывать – и тогда его заверения в дружбе России окажутся фальшивыми – либо испортить отношения с Англией. Он пригласил для разговора Кларендона.

Наполеон упрекнул Кларендона, что тот становится все более требовательным: «Когда вы приехали в Париж, вы сказали мне, что ваше правительство приняло условия, которые я послал в Лондон на одобрение. Но вы требуете: независимости странам на восточном побережье Черного моря, не отстраивать укрепления в Черкесии и не держать морской арсенал в Николаеве. Этих условий не было среди посланных мной. Их нет в австрийском ультиматуме; их не заявляли среди наших особых условий через г. де Зеебаха, и, право, я не знаю, где вы остановитесь. Меня не удивляет, что русские опасаются сказать свое “окончательное слово”, потому что не знают, чего еще у них потребуют». Наполеон предупредил, что Орлов, когда он спрашивал у него про черкесские крепости и независимость, не может на это согласиться и бесполезно запрашивать дополнительные инструкции. Так что, заключил Наполеон, если Англия будет расширять требования, мир не будет подписан.

Кларендон понял, что ради сохранения союза с Францией Англии придется смириться с тем, что ее требования будут сильно урезаны. Он попросил Наполеона отстоять только два пункта: в договоре должна быть статья о нестесненной торговле со странами восточного побережья Черного моря и в комиссии по русско-турецкому разграничению должны участвовать английские и французские офицеры, решения комиссии следует привязать к мирному договору или к особой конвенции, подписанной державами⁵².

4 марта на четвертом заседании – Губнер написал о нем: «Вот так заседание!» – за три часа был переписан пункт третий предварительных условий, он же стал первой статьей договора⁵³. Орлов сделал заявление о Николаеве: хотя он не может согласиться, чтобы это обещание было включено в договор, потому что державы тогда могут захотеть наложить ограничения на постройку судов в других реках, впадающих в Черное море, но он уполномочен заявить, что в Николаеве будут только строить и чинить суда, которые России разрешено иметь в Черном море. Дабы показать, что он намерен строго исполнять обязательства, Александр II переведет из Николаева в Балтийское море два почти достроенных судна. В вопросе о консулах он настоял на том, что в портах Черного моря Россия будет иметь право на взаимные привилегии в портах держав, а Проливы останутся закрытыми. Кроме того, Орлов продолжал требовать, чтобы в текст мирного договора включить постановление о религиозных и политических правах христиан. Наполеон, как мог, умерял возражения англичан, чтобы до-

⁵² Clarendon – Palmerston, 3.III.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S. 825–828.

⁵³ Hübner J.-A. de. Op. cit., p. 399–400.

стичь компромисса. Россия перестала быть гегемоном в Черном море и «наследницей Турции». Торжествующий Губнер пригласил всех на обед в австрийское посольство.

В разговоре с Али Пашой Кларендон узнал, что тот вовсе не ратует за независимость закавказских народов, по его словам, они полудикие и «их преданность России так сильна, что от этого не будет никакой выгоды» ни Англии, ни Турции. Английский министр пришел к выводу, что в общем-то, кроме черкесских крепостей и независимости, они добились всего, чего хотели. Кларендон считал, что мир заключен преждевременно, но жаловаться не приходилось, потому что это цена союза с Францией. Он трезво отметил, что после заключения мира союзникам не стоит критиковать условия договора, потому что это только даст пищу для нападок парламентской оппозиции⁵⁴.

Перед встречей Али Паши с Орловым, на которой они собирались договориться о количестве судов на Черном море, Кларендон снабдил турка английским меморандумом, где указывались допустимые тоннажи и общий тоннаж судов. Первая встреча окончилась безрезультатно: Орлов настаивал не менее чем на 25 судах, а Али Паша хотел 6⁵⁵. 6 марта, на пятой сессии речь шла о комиссии, которая будет контролировать судоходство по Дунаю. Согласились, что в нее войдут представители прибрежных государств. Наполеон заявил, что хочет создать единое государство из дунайских княжеств, где бы правил герцог Моденский как вассал султана. По его убеждению это будет лучшей преградой для экспансии России. Как и предполагал Кларендон, на это не согласились ни Турция, ни Австрия. Но Орлов, не участвовавший в споре, заметил, что его инструкции позволяют ему согласиться на объединение.

Потом обсудили новую границу между Бессарабией и Молдавией. Орлов обозлил Буоля тем, что обратился к нему как к автору этой линии с просьбой объяснить, через какие населенные пункты она проходит и насколько близко к холмам. Разумеется, Буоль не знал этого. В конце концов русские настояли, чтобы обсуждение по этому вопросу было отложено, так как он для них важен. Кларендон предположил, что они опять будут «интриговать с императором и Валуевским»⁵⁶.

Орлов резюмировал достигнутое: при обсуждении границы с Молдавией русские представители напомнили, что обсуждается одно целое; при обсуждении пятого пункта они настояли, чтобы учли их эвентуальное согласие на возвращение Карса и нейтрализацию Бомарзунда. «Мы окончательно согласимся только, если получим справедливое удовлетворение по другим пунктам». После спора, окончившегося ничьей, Орлов попросил отсрочки и чтобы в протокол не заносили этой дискуссии, пока не будет достигнуто соглашение. Он не хотел, чтобы аргументы его оппонентов были зафиксированы в протоколе⁵⁷.

Накануне шестого заседания Орлов опять был у Наполеона и просил помочь оставить России Измаил. Но император отказал, хотя заметил, что, если удастся оспорить границу между Молдавией и Бессарабией, предлагаемую Австрией, Франция не станет поддерживать Австрию. 8 марта при обсуждении исправления границы между Бессарабией и Молдавией Губнер зачитал названия всех мест, через которые пройдет новая граница. В ответ Бруннов напомнил меморандум об ущербе интересам России, а они ущемлялись включением болгарской колонии в уступленную территорию и невозможностью экспортировать пшеницу из Бессарабии без доступа к Дунаю. Он пообещал, что Россия снесет крепость Измаил, но просил уступить полосу земли, которая доходит до Измаила и включает его. Там проживало 25 тыс. русских.

Валуевский возразил, что это слишком расходится с целями коалиции. После дискуссии русские попросили разрешения сделать встречное предложение. Валуевский ответил, что если союзники достигнут своих главных целей, то не откажутся выслушать пожелания русских. Россия предложила отдать территорию в дельте Дуная меж-

⁵⁴ Clarendon – Palmerston, 5.III.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S837–838.

⁵⁵ Clarendon – Palmerston, 6.III.1856. – Ibid., S. 840–841.

⁵⁶ Clarendon – Palmerston, 6.III.1856. – Englische Akten..., Bd. 3, S. 841–842.

⁵⁷ Делеша графа Орлова Нессельроде, 11.III/28.II.1856. – Красный архив, № 2(75), с. 31–38.

ду Кибиром и Сулиной, и даже больше, в обмен на Измаил. Валевский предложил линию от севера озера Алейбей на побережье моря до озера Салцык и потом до Прута. Австрийцы согласились, а русские возразили, что тогда болгарская колония останется в Молдавии и попросили время, чтобы запросить инструкций.

При обсуждениях стала заметна враждебность русских к австрийским дипломатам. Когда одно из предложений России было в очередной раз отвергнуто как неприемлемое, Орлов сказал: «Австрия вероятно давно научилась вести мирные переговоры в качестве проигравшей стороны, а у России такого опыта нет»⁵⁸. В ответ на реплику Буоля Бруннов нарочно подчеркнул, что он обращается к странам – участницам войны. Видимо тогда же Орлов повернулся к молча слушавшему все это Кавуру и сказал так, чтобы слышали все: «Граф Буоль разговаривает таким тоном, как будто это Австрия взяла Севастополь!»⁵⁹. Валевский промолчал, но Кларендон настойчиво призвал членов коалиции быть солидарными.

Наполеон на следующий день уговорил Буоля и Кларендона согласиться, чтобы России оставили болгарскую колонию Болград в Бессарабии, потому что Александр II ею дорожит. С помощью Валевского предложение австрийской стороны провести границу от Хотина до озера Салцык было отклонено и уступленная Россией территория уменьшилась вполтину по сравнению с требованиями Австрии.

Впоследствии при проведении разграничения возникли проблемы: оказалось, что есть два Болграда – развалины древнего поселения на Дунае и Болград – центр болгарских колоний в Бессарабии (на озере Ялпуг), о котором шла речь на конгрессе. На конгрессе пользовались французской, а не русской картой и никто не знал, что есть два города с одинаковым названием. Когда возник спор, комиссия в декабре 1856 г. решила его не в пользу России. По статье 20 договора новая юго-западная граница России шла от пункта на 1 км восточнее озера Буркас по Аккерманской дороге до Траянова вала южнее Болграда на север по реке Ялпуг, впадающей в одноименное озеро, до высоты Сарацыка и до Катамори на реке Прут⁶⁰.

10 марта на седьмом заседании русские предложили скрыть турецкие крепости Тульчу и Санчу в низовьях Дуная и чтобы не было крепостей от Галаца до устья Дуная. Конгресс воспротивился. Тогда Орлов заявил, что берет назад свои предыдущие уступки. Гюбнер воскликнул, что если Орлов уже согласился с чем-то, то не может взять слово назад: «Вы посягаете на суверенность нового хозяина территории, т. е. отказываетесь от принятого ультиматума». Гюбнера поддержал Кларендон, Орлов сдался, сказав: «Мир заключен!»⁶¹. Но Кларендон тут же возразил, что нельзя подписать мир, пока конгресс не одобрил русско-турецкой конвенции. Орлов пообещал подписать ее завтра же.

Только 10 марта Кларендон поверил, что мир будет заключен. Он написал: «Нам повезло, что пришлось иметь дело с Орловым, потому что он вел себя прямодушно и как подобает джентльмену. Бруннов вел себя, как жалкий стряпчий, и с ним бы мы никогда не кончили дела. Намерения у него, наверное, были благие, но он рабски боится сказать или сделать что-то, что может вызвать неудовольствие в Петербурге. Орлов обращается с ним, как с лакеем»⁶².

11 марта у Буоля австрийцы, Буркене и Али Паша обсудили статью о княжествах. На следующий день английские делегаты вдруг обвинили австрийцев в том, что они хотят открыть устье Дуная, чтобы иметь преимущественное право на судоходство. Кавур присоединился к англичанам. Австрия отступила, сказав, что запросит инструкций.

⁵⁸ Charles-Roux F. Op. cit., p. 99.

⁵⁹ Martinengo-Cesaresco E. Cavour. London, 1904. – Gut.org/cache/epub/12588/pg12588/html

⁶⁰ Гросул В. Я. Парижский конгресс 1856 г. и формирование новой границы российской империи. М., 2006, с. 99.

⁶¹ Hübner J.-A. de. Op. cit., p. 402.

⁶² Clarendon – Aberdeen, 10.III.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S. 861.

После неудачной попытки в частной беседе добиться сочувствия Кларендона в вопросе о количестве орудий на судах в Черном море, русские представители спорили с английскими о русско-турецких конвенциях по вопросу о числе легких судов в Черном море. Наконец, после вмешательства Наполеона, который сказал, что он обещал русским оставить их транспортные суда, было решено, что у России и Турции будет по шесть легких полицейских судов и три-четыре транспортных⁶³. 15 марта был выбран комитет для подготовки чернового текста договора в составе Каули, Бруннова, Али Паши, Буркене, Гюбнера и Вильямарина⁶⁴. 16 марта Орлов и Каули продолжали спорить о дополнительных судах. Орлов, отказавшись от транспортных судов, настаивал на дополнительных, потому что разрешенных мало для обслуживания всех портов. Каули пригрозил прервать переговоры. Орлов заметил, что это будет печально, но что он не побоится апеллировать к Европе в этом вопросе, и спросил, как Франция отнесется к прекращению переговоров. «Видимо, это его главный козырь», – написал в отчете Кларендон. Валуевский сказал Орлову, что Англия согласилась на дополнительные четыре судна, хотя Кларендон еще не получил разрешения от своего правительства. В письме Пальмерстону Кларендон заключил: «Это самый худший момент с начала конгресса, потому что французы против нас»⁶⁵.

В результате с помощью французов Орлов добился шести легких судов и шести транспортных «с достаточным количеством вооружения». Потом Кларендон согласился еще на четыре судна водоизмещением не более 200 т. Из них одно или два должны были обслуживать устье Дуная. Али Паша не только не был встревожен, но даже сказал, что совершенно удовлетворен.

Орлов неоднократно говорил на конгрессе: «Нас побили. Россия унижена и подпишет такой договор, какого никогда прежде не подписывала. Условия тяжелые, и если я смогу немного их облегчить и таким образом помочь моему повелителю выглядеть несколько менее жалким в глазах его народа, то я только выполню свой долг, и я буду очень благодарен тем, кто мне в этом поможет». Кларендон отвечал на эти многократные обращения, что условия не тяжелые. При этом его раздражало поведение Наполеона: «Он братается с Орловым и не раз говорил мне, что “поскольку мы получили все самое важное, то двум великим народам, как Франция и Англия, подобает вести себя великодушно и по-джентльменски”»⁶⁶.

16 марта вне рамок конгресса Орлов и Бруннов попытались уговорить Валуевского, чтобы Франция согласилась оставить в силе те уступки, которые еще до войны султан сделал России в вопросе о Святых Местах – это была последняя попытка русской делегации сохранить влияние России среди христиан Оттоманской империи. Через три дня Валуевский заявил, что это невозможно.

17 марта Бруннов и Буркене почти закончили редактирование договора. Орлов уступил в вопросе о судах. 18 марта на 10-м заседании, когда обсудили редакцию текста договора, в зал допустили прусских делегатов, Мантейфеля и Гацфельда. 19 марта австрийцы схватились с Брунновым, потому что тот возражал, чтобы особая конвенция была упомянута в общем договоре. Орлов и Бруннов хотели представить обещание не укреплять Аландские острова как дружественный жест российского императора по отношению к Англии и Франции. Кларендон протестовал, что «так нельзя формулировать условие мира, которое мы поставили непременно»⁶⁷.

20 марта между часом и половиной седьмого вечера комиссия с участием Буоля и Орлова переписала почти все статьи. Орлова не устраивало, что слово «христиане» не было упомянуто в тексте договора. Вопреки заявлению великого визиря, что ввиду султанского фирмана, даровавшего христианам большие права, нет нужды упоминать

⁶³ Palmerston – Clarendon, 15.III.1856. – Ibid., S. 877–879.

⁶⁴ Clarendon – Palmerston, 15.III.1856. – Ibid., S. 880–881.

⁶⁵ Clarendon – Palmerston, 16.III.1856. – Ibid., S. 887–888.

⁶⁶ Clarendon – Palmerston, 18.III.1856. – Ibid., S. 892–893.

⁶⁷ Clarendon – Palmerston, 22.III.1856. – Englische Akten..., Bd. 3, S. 909–910.

права христианских подданных Порты, Орлов настаивал, что это главный предмет договора великих держав и предложил поместить в начале договора статью, подтверждающую права христиан в Турции⁶⁸. Фразу об особом интересе России к положению христиан в Турции, которую Орлов и Бруннов пытались провести в протокол, отвергли все делегаты.

11-е заседание происходило 22 марта с 5 до 11 вечера в МИД. Пруссаки ждали решений в соседней комнате. Они возмущались: «Почему нас позвали только для пересмотра конвенций о Проливах 1841 года?». Они справедливо хотели, чтобы из преамбулы убрали упоминания о различии между статусом Австрии и Пруссии. Кларендон был против, а Валуевский за; тут же произошла перепалка из-за Аландских островов. Сессию решили поделить на две: позвали пруссаков и выбрали комиссию для переделки преамбулы.

В тот же день Кларендон пожаловался Наполеону на его министра иностранных дел. На другой же день он уже удовлетворенно написал: «Валуевский – другой человек: он заставил Орлова прождать в приемной час»⁶⁹. На 13-м заседании надавили на русских и пруссаков и они сдались. 25 марта занялись княжествами. 26 марта Гюбнер требовал подтвердить, что у России нет права на политическое вмешательство в Черногории. Орлов отказался это сделать и за него это сделал Валуевский. Третья статья была принята. Орлов писал в Петербург, что, несмотря на обещания Наполеона, они с Брунновым остаются изолированными на конференции⁷⁰.

Наконец, тоннаж русских судов был установлен: 800 т. Валуевский не поддержал английских уполномоченных, и потому количество корабельных орудий не было указано в статье. Русские возражали против предложенного разграничения в Азии, и Али Паша предпочел расплывчатую формулировку о том, что граница останется, как до войны.

Русские представители добились принятия декларации, что пока прежние договоры не пересмотрены или не возобновлены, подданные держав будут пользоваться теми же правами на экспорт и импорт, что и до войны, а в остальных вопросах будут пользоваться статусом самой дружественной нации.

На 16-м заседании приняли статью о Дунае. 27 марта в последний раз прочитали вслух текст и приняли его. При обсуждении вопроса, аннулирует ли недавняя война имевшиеся договоры между воюющими сторонами или только накладывает временно мораторий, русские выступили за последнее, потому что это дало бы им возможность вернуться к прежним притязаниям в Турции. Но их заставили отступить. Вопрос об Аландских островах они все время старались отделить от общей дискуссии, чтобы замкнуть его общеевропейский характер. Буоль и Орлов вступили в перепалку из-за этого. Кларендон поддержал Буоля в том, что это европейский вопрос. На запрос Орлова, Нессельроде ответил: «Кончайте и подписывайте»⁷¹.

29 марта договор был зачитан и парафирован. За ночь бюро протокола французского МИД приготовило семь беловых экземпляров для подписи. Утром 30 марта все делегаты прибыли в парадных мундирах. Последними приехали русские. Текст был зачитан вслух, затем делегаты сами сложили по порядку листы своих экземпляров. Каждый поставил подпись на всех семи экземплярах.

Пушки Бастилии и Отеля дез Инвалид (комплекс зданий, включающий приют для ветеранов, музей истории французской армии и собор, где хоронят выдающихся военачальников) произвели 101 залп. Кларендон пригласил всех на аудиенцию к Наполеону, который произнес речь, заключив ее словами: «Это мир, который, как сказал лорд Кларендон,

---

⁶⁸ *Петров А. А.* Алексей Федорович Орлов. – Русский биографический словарь. СПб., 1896–1918.

⁶⁹ Clarendon – Palmerston, 24.III.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S. 920–922.

⁷⁰ *Петров А. А.* Указ. соч.

⁷¹ Там же.

почетен для всех и не унижителен ни для кого»⁷². На прощание Орлов еще раз пообещал Кларендону, что после обмена пленными все, кроме дезертиров, будут в России амнистированы. Это тоже вошло в договор.

Окончательный текст мирного договора состоял из преамбулы и 34-х статей. К нему были прикреплены три особые конвенции и общая декларация. В преамбуле объяснялось присутствие Пруссии на конгрессе как одной из держав, подписавших Венский трактат 1815 г. Статьи 1–6 относились к восстановлению мира, двусторонней эвакуации вооруженных сил из оккупированных территорий, амнистии и освобождению военнопленных. Статьи 7–8 закрепляли принятие Оттоманской империи в европейский концерт. Статья 9 заявляла о правах христиан – подданных султана.

Европейские державы, декларировавшие защиту христианства, как и защиту суверенности султана в качестве цели войны, не могли отказаться от этой статьи, на которой настаивала Россия. Орлов хотел, чтобы статья следовала непосредственно за той, где Порта была объявлена европейской великой державой, чтобы подчеркнуть связь между ее новым статусом и правами христианского населения. После долгих споров был найден компромисс: в этой статье державы заявили о высокой оценке султанского фирмана, гарантировавшего права перечисленных христианских народностей. Статья 10 подтверждала принцип закрытия Проливов. Статьи 11–14 относились к условиям нейтрализации Черного моря; статьи 15–19 излагали принципы свободного судоходства на Дунае и создание временной международной комиссии и постоянной комиссии прибрежных государств для обеспечения судоходства. Статьи 20–21 относились к разграничению между Бессарабией и Молдавией, 22–29 – устанавливали статус дунайских княжеств, вассальных султану. Статья 30 содержала постановление о создании смешанной комиссии для изучения вопроса о русско-турецком разграничении на основании прав собственности, существовавших до войны. В 31 статье говорилось об освобождении союзниками турецкой территории. Статья 32 возобновляла действие прежних договоров между воюющими сторонами, за исключением случаев, когда это противоречило позднему договору. В статье 33 говорилось об особой конвенции об Аландских островах, а 34-я устанавливала срок, в течение которого стороны должны были обменяться ратифицированными договорами. К договору были прикреплены три особые конвенции: конвенция о закрытии Проливов; русско-турецкая конвенция о числе военных судов в Черном море и англо-русско-французская конвенция, воспрепятствовавшая укреплять Аландские острова. Единственной территориальной потерей России стал небольшой участок Бессарабии в устье Дуная, который отошел Молдавии. Формально Молдавское княжество входило в состав Османской империи, однако конгресс подтвердил широкую автономию не только Молдавии, но и Валахии, и Сербии. Соответственно, земли достались даже не туркам, а Молдавскому княжеству.

От намерения Наполеона превратить мирные переговоры в европейский конгресс, изменивший историю Европы, осталась только декларация о правах нейтральных государств во время войны; о запрещении крейсерства, неприкосновенности вражеских грузов на нейтральных судах и нейтральных грузов на вражеских судах, не считая военной контрабанды, и обязательство держав признавать морскую блокаду, если она эффективна. В заключение конгресс письменно высказал пожелание, чтобы державы решали конфликты в переговорах, прежде чем браться за оружие.

Кларендон и Орлов, действуя по отдельности, отговорили Наполеона рассматривать вопрос об Италии и Польше. Орлов заверил, что император Александр II будет теперь вести другую политику по отношению к Польше и что все, о чем Наполеон III говорил, будет сделано, но об этом нельзя объявлять конгрессу, потому что в России это не так поймут. Орлов сказал: «Не в интересах поляков выносить этот вопрос на конгресс, потому что там я не могу ничего вам сказать, не могу признать вашего права допрашивать меня, и потому мой ответ разочарует поляков»⁷³.

⁷² *Hübner J.-A. de. Op. cit., p. 412.*

⁷³ *Clarendon – Palmerston, 9.IV.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S. 977–978.*

По окончании заседаний по предложению Орлова делегаты выразили благодарность Валуевскому. Теперь Бруннову предстояло отвезти в Лондон извещение о восшествии Александра II на престол. Это означало, что он вернется в лондонское посольство.

Оставшись в Париже до мая, Орлов узнал от императора, что Австрия, Франция и Англия тайно подписали антироссийское соглашение о гарантиях Турции: нападение на Турцию объявлялось *casus belli* для союзников. Австрия предложила к нему тайную статью: значительная концентрация русских войск на границе с Турцией и увеличение числа судов во внутренних российских водах сопредельных Черному морю станет поводом для совещаний союзников⁷⁴.

Расстроенный Орлов написал в Петербург, что упрекнет императора за то, что тот не предупредил его о готовящемся договоре. Новый министр иностранных дел Горчаков ответил ему, что после уступок России эта конвенция уже утратила смысл, но что Россия учтет ее как предупреждение относительно лояльности императора Наполеона⁷⁵.

Орлов на прощание постарался заложить основание для улучшения отношений с Англией. Он сказал Кларендону, что может поклясться, что Николай I не собирался отнимать у Турции ни клочка земли, но всегда верил, что Оттоманская империя обречена на распад и что его долг заранее договориться с другими державами, и особенно с Англией, о том, как действовать в этом случае: «Это был его идефикс». Что Александр II всегда был противником политического курса своего отца, потому что тот, не собираясь ни на кого нападать, разорил Россию гонкой вооружений, которая далеко превосходила оборонительные нужды. Александр же намерен сделать Россию великой и по-настоящему европейской державой, развивая ее внутренние ресурсы, и поэтому надеется на прочный мир. Напоследок Орлов сказал Кларендону, что нельзя полагаться на стабильность «красной» республиканской Франции и союзы с ней ненадежны⁷⁶. Последнее было явным намеком на разочарование Орлова в лояльности императора Наполеона.

Поскольку на конгрессе было много закулисных переговоров, то личная роль уполномоченных держав была даже более значительной, чем обычно. Кларендон предсказал, что, хотя русские обязаны Наполеону уступками, «заслуга получения всех этих уступок будет приписана Орлову и Бруннову, если первый вообще позволит последнему подобрать хоть крошечку со своего стола»⁷⁷. Сарказм Кларендона не совсем оправдан. Во-первых, главный уполномоченный России нес наибольшую долю ответственности перед своим императором за результат переговоров, а значит их исход был его заслугой. Во-вторых, сам Кларендон постоянно указывал в письмах, что Бруннов не только менее симпатичен, но и менее эффективен, чем Орлов. Доминирующая роль Наполеона несомненна, это был «его конгресс». Но Орлов направлял усилия французской стороны, подсказывая им, что наиболее важно для России. Кроме того, тактичным поведением на заседаниях граф облегчил французам их задачу поддержать Россию, не ссорясь с союзниками. Генерал-адъютант Орлов был не только хитер, льстив и умел играть на публику, но кроме того был трезвым, практичным и хладнокровным дипломатом.

Тактика, предписанная российским уполномоченным, была слишком знакома их оппонентам, чтобы быть успешной. Всякий в их положении делал бы то же самое: пытаться расколоть лагерь противника и воспользоваться их противоречиями; ссылаться на противоречия между предлагаемым текстом статьи и более ранними международными соглашениями и пытаться либо убрать слишком четкие формулировки, либо сделать их расплывчатыми, чтобы возможность разных толкований потом оправдывала бы неисполнение статьи.

Еще до войны французский посол отмечал недоуменно и сочувственно, что русское министерство иностранных дел проявляет «дерзкую или наивную веру в крас-

⁷⁴ Hübner J.-A. de. Op. cit., p. 416–417.

⁷⁵ Дешеша министра иностранных дел Горчакова графу Орлову, 4.V/22.IV.1856. – Красный архив, № 2(75), с. 56.

⁷⁶ Clarendon – Palmerston, 20.IV.1856. – Englische Akten..., Bd. 3, S. 999–1001.

⁷⁷ Clarendon – Aberdeen, 10.III.1856. – Englische Akten..., Bd. 4, S. 861.

норечие и логику своих циркуляров»⁷⁸. Но русские понимали не хуже других, что убедительнее всего действуют доводы, подкрепленные мощной армией и что слова всегда слабее пушек. Однако, когда стороны решили отказаться от пушек, то прочувствованные монологи, вызывающие к лучшим чувствам победителей и зачитываемые вслух меморандумы, полные ссылок на исторические прецеденты и на статьи прежних договоров, и стилистические уловки, чтобы изменить смысл предложения, стали единственным оружием дипломатов.

Орлов обезоружил Кларендона, признав, что Николай I совершал ошибки, за которые платит его сын. Он постоянно напоминал, что, если условия будут обременительные, Россия их примет, но с намерением отвергнуть их при первой возможности. «Этот откровенный и благородный язык произвел впечатление на императора Наполеона и на английских делегатов»⁷⁹.

Поскольку и война, и заключение мира, были тесно связаны с соображениями чести и доблести, то слова А. Ф. Орлова в донесении о заключенном договоре, вероятно, были бальзамом на сердце императора: «Всякий признает, что соглашение, подписанное в Париже перед лицом коалиции является, смею сказать, миром почетным для нашего государства и соответственным достоинству его короны»⁸⁰.

Однако лорд Грэнвилл, чрезвычайный посол Англии в Петербурге сразу после заключения мира писал, что русские «считают свое поражение куда более полным, чем считаем его мы на Западе, и по этому поводу очень раздражены»⁸¹. Россия получила обратно Севастополь и Крым взамен на уступку завоеванной в Азии территории, но потеряла земли в Бессарабии. В XIX в. уступка территории считалась более унижительной для государства, чем ограничения, вроде тех, что Парижский мир наложил на Россию в Черном море. К тому же до 1919 г. Россия оставалась единственным суверенным государством, которое так явно принудили ограничить свою свободу действий в военной сфере. Россия потеряла традиционное право на покровительство турецким христианам, и отныне вмешательство России в турецкие дела рассматривалось бы как ничем не мотивированное нарушение европейского мира⁸².

Бывший российский дипломат и путешественник П. А. Чихачев сразу после заключения мира опубликовал анонимную брошюру, в которой рассматривал результаты Парижского мира для каждой из сторон договора. Австрия вытеснила Россию из Придунайских княжеств, Дунай стал австрийским торговым путем, в Черном море австрийское торговое судоходство соперничает с британским. Турция не претендовала ни на что и ничего не получила, кроме права подписать мирный договор. «Когда война прекращается внезапно к явной выгоде двух воюющих сторон из пяти, то мир не будет прочным». Сравнив заявленные коалицией цели войны с уступками России, он утверждал, что союзники не получили желаемого. Они хотели раз и навсегда освободить Турцию от угрозы со стороны могущественного соседа. Влияние заключалось не в размере черноморского флота и преобладании на Черном море, а в том, что Россия владеет Северным Причерноморьем и Кавказским перешейком, который ведет из России как таковой в Азию. Этого Парижский мир не изменил. Пока Кавказ в руках России железное кольцо вокруг Турции может сомкнуться в нужный момент и задуть ее. У России нет флота и нет Севастополя, но она теперь активизирует наступательную политику в Азию и оттуда будет угрожать Турции и Ирану⁸³.

⁷⁸ Castelbajac – Thouvenel, 15.VII.1853. – *Thouvenel L. Nicolas I et Napoléon III, les préliminaires de la guerre de Crimée, 1853–1854.* Paris, 1891, p. 173.

⁷⁹ *Vitzthum Eckstädt von.* St Petersburg and London in the years 1852–1864, v. 1. London, 1887, p. 83.

⁸⁰ *Петров А. А.* Указ. соч.

⁸¹ Цит.: *Mosse W. E.* Britain, Russia and the Questions of Serpents Island and Bolgrad. Two Incidents in the Execution of the Treaty of Paris, 1856. – *The Slavic and East European Review*, v.29, 1950, t. 72, p. 87.

⁸² *Жигарев С. П.* Русская политика в Восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Исторические юридические очерки, т. 2. М., 1896, с. 96.

⁸³ [*Чихачев П. А.*] *La paix de Paris, est-elle une paix solide? par un ancien diplomate.* Bruxelles, 1856, p. 40.

Чихачев предсказывал, что Россия не смирится с тем, что она потеряла право быть хозяйкой в своем доме и укреплять черноморское побережье. Это – посягательство на ее суверенность, тем более что турецкие укрепления на берегу Босфора, которые тоже являются прибрежными, остались неприкосновенны и теперь Турция с союзниками может за несколько часов оказаться вблизи русского берега. Поскольку Турция не сможет исполнить обещаний касательно прав христианского населения, турецкие христиане опять будут обращаться за покровительством к России, тем более что Франция и Англия утратили доверие, поддержав Турцию в войне. Причина англо-русской вражды не была устранена и, укрепившись, Россия начнет борьбу с Англией в Азии, вне досягаемости и интересов Европы.

Еще накануне войны русский дипломат в Вене Ф. П. Фонтон говорил саксонскому посланнику Фицтуму фон Экштеду: «Если нас заставят вывести войска из княжеств и подписать мир на условиях, какие мы уже сто лет как не принимали, мы только выиграем от этого. Так или иначе Восточный вопрос будет решен, и мы сможем демобилизовать две трети армии, оставив 150 тыс. солдат, чтобы контролировать Польшу и еще 50 или даже 100 тыс., чтобы император развлекался. На сбереженные средства мы начнем строить железные дороги и прочее. Встав на этот путь, мы за 10–12 лет вернем все потерянное с лихвой»⁸⁴.

После заключения мира Россия действительно начала великие реформы, и, если не считать, что война 1877–1878 гг. снова подорвала российские финансы, этот взгляд на Крымскую войну как на стимул к модернизации стал превалировать среди младших современников и занял прочное место в русских исторических работах о России после Крымской войны.

Саксонский дипломат граф фон Бейст был не единственным, кто назвал Парижский мирный договор «шедевром запутанности». Он гласил, что Европе необходимо существование Порты, но также заявлял, что державы не будут вмешиваться в ее внутренние проблемы – в результате через несколько лет опять назрел кризис, приведший к войне 1877–1878 гг.⁸⁵

Главным негативным последствием Крымской войны и Парижского мира для Европы стало то, что Россия, которая до того была одной из самых последовательных защитниц европейских договоров 1815 г., теперь, как и Франция, стала сторонницей их пересмотра. Через 15 лет после Парижского конгресса видный русский дипломат А. Г. Жomini подвел итоги политики, продиктовавшей Парижский мир: антирусская коалиция развалилась; Россия добилась отмены ограничений; Франция потерпела сокрушительное поражение в войне с Пруссией и ей на помощь не пришли бывшие союзники. Австрия потеряла свои владения в Италии и проиграла Пруссии первенство в Германии. Только Англия избежала потерь⁸⁶.

Но в XX в. американский исследователь Пол Шредер, не подписываясь под легендарным признанием британского премьера Солсбери, что в Крымской войне Англия поставила не на ту лошадку, тоже счел негативными результаты британской политики. Как только распался в результате Крымской войны мешавший ей Священный Союз, «Британия оказалась не в силах контролировать европейские и балканские дела, а потому война, которая началась в 1914 г. на Балканах, тут же втянула в воронку и ее. Даже в краткосрочной перспективе британская стратегия... оказалась ошибочной. В девятнадцатом веке после распада Священного Союза всякий международный кризис (1828–1829, 1853–1856, 1860-е, 1877–1878, 1890 и пр.) способствовал экспансии России на Ближнем и Среднем Востоке, Центральной Азии и Дальнем Востоке, в основном за счет Британии»⁸⁷.

⁸⁴ *Vitzthum Eckstädt von*. Op. cit., p. 189.

⁸⁵ *Beust F.-F. von*. *Trois quarts de siècle*. *Memoirs du comte de Beust*, t. 2. Paris, 1888, p. 162–163.

⁸⁶ *Jomini A.de*. Op. cit., t. 2, p. 417–418.

⁸⁷ *Schroeder P*. *Containment Nineteenth Century Style: How Russia Was Restrained' Systems, Stability, and Statecraft*. New York, 2004, p. 129.